

ГЛАВА 1

Если хотите, чтобы мужчина от вас навсегда убежал, начните выяснять с ним отношения.

Я молча стояла в углу лифта, слушая, как ругаются соседи, живущие на несколько этажей выше. К сожалению, я не поняла сразу, что они затеяли перепалку, машинально шагнула в кабину, когда та приветливо раздвинула двери, и сказала «Доброе утро» мужчине и женщине, которые уже находились внутри. Этих людей я регулярно встречаю по утрам, они уходят на работу в половине восьмого, я тоже частенько в это время спешу на службу. Дружбы между нами нет, знаю лишь, что мужа зовут Семен, а жену Лена. Как правило, они вежливо здороваются и иногда заводят разговор о погоде. Вчера, например, в ответ на мое приветствие Семен сказал:

— Сегодня ужасный дождь, хлещет как из ведра.

Я подхватила:

— Неудачный июнь в этом году, прямо залило нас.

— Даже на дачу неохота ехать, — добавила Лена.

— Да, да, — кивнула я.

Порой я сталкиваюсь с Сеней и вечером, он поздно возвращается с работы, а я тоже могу приехать домой около полуночи. Мы улыбаемся друг другу, и у нас вновь завязывается беседа на излюбленную для российского человека тему про погоду. Я выхожу на своем этаже, Семен едет дальше. За несколько лет общения

в лифте я успела выяснить, что у супругов нет детей и что они нежно относятся друг к другу. Семен иногда входит в подъезд с букетом, по субботам-воскресеньям я вижу, как принаряженные муж с женой садятся в машину, они явно направляются в гости или в театр. По утрам от Семена никогда не несет перегаром, я ни разу не видела его пьяным. Лена зимой носит красивые шубки, а летом дорогие платья, и сумки-обувь у нее совсем недешевые. Никогда на моей памяти супруги не выясняли отношений. Наверное, они, как все, иногда скандалят, однако при мне этого ни разу не случилось. Но сегодня мое «Доброе утро» повисло в воздухе. Похоже, соседи не заметили, что в кабине появилась я, Таня Сергеева. Лена, всхлипывая, напала на мужа:

— Нет, объясни свою позицию.

Семен молча смотрел в пол, а жена не успокаивалась:

— Давай выясним наконец отношения. Почему...

Муж ткнул пальцем в кнопку с цифрой «3», вскоре лифт замер и открыл двери. Семен вылетел на лестничную клетку и заорал:

— Надоели твои придирки. Конкретно поперек горла стоят. Хочешь собаку? Заводи. Но тогда я из дома уйду. Выбирай: или я, или псина!

Лена зарыдала в голос, а я не знала, куда деваться, хуже нет стать свидетельницей скандала. Семен побежал по лестнице вниз. Кабина тоже поползла на первый этаж. Елена горько плакала.

Да уж, если хотите, чтобы муж от вас навсегда сбежал, начните выяснять с ним отношения.

Я не знала, как быть: утешать Лену? Или сделать вид, что не слышала злых слов ее мужа и не вижу слез, которые горохом катятся по ее щекам. Слава богу, ехать было недолго. Пробормотав: «До свидания», — я выскочила во двор, села в джип и поехала к шлаг-

бауму. Когда я въехала в квартиру в этом доме, чтобы не вызывать у любопытных соседей вопрос: «Откуда у простой преподавательницы мощный дорогой автомобиль?» — я оставляла машину на ночь на подземной стоянке расположенного рядом супермаркета. Но потом около подъезда стали появляться «порше», «БМВ», «мерседесы» — все машины бизнес-класса, и я перестала шифроваться. Это раньше дорогой автомобиль свидетельствовал о вашем толстом кошельке, теперь же он может говорить о размере кредита, который владелец взял в банке.

Доехав до охранника, я увидела около шлагбаума растерянную Елену, поняла, что разъяренный Семен уехал один, и высунулась в окно.

— Вас подвезти?

— Добросьте до метро, — обрадовалась соседка, — оттуда до Библиотеки Ленина я быстро доберусь.

— Поеду по Воздвиженке, — улыбнулась я, — могу до места доставить.

— Вот спасибо, — принялась благодарить Лена, залезая в кабину. — Ого, сколько у вас тут кнопок, тумблеров, прямо пульт управления космическим кораблем.

— Джип достался мне от бывшего мужа, — привычно соврала я, — он машину как-то улучшил, чего-то в нее напихал, но я в его прибабасах не разбираюсь, разве что радио иногда включаю.

Некоторое время мы ехали молча, потом на торпедке замигала зеленая лампочка, я нажала пальцем на квадратную клавишу, огонек погас, я схватила мобильный.

— Иван Никифорович, еду к вам, не беспокойтесь, начну урок вовремя.

— Понял, кто-то посторонний в машине, — буркнул шеф, — жду.

Я поставила трубку в держатель и опять принялась фантазировать:

— Я веду уроки в нескольких частных гимназиях, в одной недавно сменился директор, теперь там в кресле начальника очень нервный человек, всегда беспокоится, не опоздает ли педагог.

— Я работаю управляющей спа-салона, — вздохнула Лена. — У нас такая клиентка есть, запишется на маникюр и давай администратора дня за три до назначенного срока терзать, до икоты ее доведет, каждый час звонит и спрашивает: «Мастер Краснова не болеет?», «Она меня точно примет?». «Приеду в семь, маникюрша не опоздает?» Пару раз она появлялась, когда у Красновой еще клиент сидел, и закатывала скандал, показывала на часы и кричала: «Сейчас девятнадцать ноль три. Почему меня в семь не приняли? Безобразие. Я занятой человек». Мы обрадовались, когда она нас посещать перестала. Таня, у вас есть дети?

Я удивилась бестактному вопросу.

— Нет.

— А почему? — не удовлетворилась ответом Лена.

Я притормозила у светофора.

— Можно назвать несколько причин, но главная одна: я не встретила пока мужчину, от которого бы хотела родить. Я не очень чадолюбива, да и работа такая, что малыш с младенчества окажется на руках у няни, а это нехорошо.

Елена вынула из сумки бумажный платок и приложила к глазам.

— Слышали сегодня, как мы в лифте скандалили? А, не отвечайте. Конечно, слышали. У нас с мужем нет ни сына, ни дочери. А почему? Мы очень рано поженились. Сеня только военное училище закончил, а я диплом медсестры получила. Мужа распредели-

ли в Барнаул, он ракетчик, сидел там на каком-то пульте. Жили мы не в самом городе, а рядом. Денег кот заплакал, для меня работы в военном городке не нашлось, существовали на Сенину зарплату, а ее выдавали нерегулярно. Я было заикнулась: «Давай ребеночка родим». Супруг руками замахал: «Не сейчас, надо на ноги встать».

Лена отвернулась к окну.

— Нас по стране не один год мотало. Ну какой ребенок у людей, которые вечно с узлами-чемоданами на новое место жительства переезжают? Бытовые условия часто плохими оказывались: барак, коммуналка, семейное общежитие. Не хотелось малыша в общей ванной мыть. У ребеночка все должно быть лучшее. А что отец-военный ему предоставить мог? Угол в комнатенке, кроватку за ширмой? Потом нам повезло. Семена перевели в Москву, дали хорошую квартиру, муж получил звание полковника, пришло наконец материальное благополучие. Я работу прекрасную нашла, из двушки переехали в четырехкомнатную. Купили дачу, машину, решила я забеременеть.

Лена стиснула кулаки.

— И ничего не получилось. Через год пошли по врачам, выяснили: здоровы оба, а детки не завязываются. Попытались счастья с ЭКО. Шесть раз. Ничего не вышло. Ездили по святым местам, бегали к колдунам, знахарям...

Елена приложила к глазам носовой платок.

— Итог: мне тридцать девять, Сене сорок два, детей у нас нет и не будет.

Елена тихо заплакала.

— Сейчас и в пятьдесят рожают, — попыталась я успокоить соседку.

Лена вытерла лицо ладонью:

— Ну я-то не идиотка, чтобы малыша на свет произвести в возрасте, когда бабушкой становятся. Кто ребенку поможет, если родители лет через пятнадцать умрут?

— Надо смотреть на ситуацию с оптимизмом, — пробормотала я, — навряд ли в пятьдесят пять вы с этим светом попрощаетесь.

— Все возможно, — мрачно произнесла соседка, — следовало до тридцати рожать, не ждать, пока квартирой-машиной обзаведемся. Сейчас бы мой первый аборт в институт ходил. Я пыталась решить проблему. Ну не получается у нас малыш, ладно. Можно обвести Господа Бога вокруг пальца. Сейчас есть программа усыновления эмбрионов.

Я чуть не выпустила руль из рук.

— Усыновление эмбрионов?

— Да, — кивнула Елена, — они от ЭКО остаются, кое-кто отдает свои эмбрионы бездетным парам.

— Ну и ну, — протянула я, — получается, что твой ребенок будет воспитываться в приемной семье.

— Его другая женщина выносит, младенец ей родным станет, — возразила Лена. — Я очень хотела в этой программе поучаствовать, а Сеня на дыбы встал: «Не желаю чужого сына! Никогда его, как своего, не полюблю». И усыновить малыша из приюта муж не готов. В общем, тему детей мы закрыли. Все. Живем вдвоем, только для себя.

Лена прижала руки к груди.

— Но мне очень хочется собачку. Маленькую, пушистенькую, я уже имя ей придумала: Мусенька. И что? Семен даже слышать о песике не хочет. Я его прошу: «Давай купим Мусеньку», — показываю в Интернете фото щеночков. Но муж кричит: «Через мой труп».

— Почему Семен не хочет завести собаку? — удивилась я. — Вы причину его нелюбви к псам знаете?

Соседка вздохнула.

— Нет. Сто раз умоляла: «Объясни, по какой причине ты собак не любишь?» Сеня в ответ: «Я люблю животных, никогда их не обижу, но в мой дом им вход запрещен». Но ведь в квартире и я живу! Вот сегодня не сдержалась, примоталась к супругу утром, начали мы с ним в прихожей отношения выяснять, в лифте на ваших глазах продолжили. Неудобно получилось. Сеня расписиховался, один уехал, спасибо, вы меня подвезли. И что теперь делать? Очень уж собачку хочется. Если ребеночка нет, то пусть хоть песик с нами живет. Спасибо, Танечка, я тут выйду.

Я притормозила, Лена вылезла из джипа и, помахав мне рукой, скрылась в подземном переходе. Я влилась в поток машин, позвонила начальнику и пустилась в объяснения:

— Соседку подвозила, она с мужем поругалась, он ее в машину не посадил. Один уехал.

— С соседями нужно поддерживать хорошие отношения, — согласился Иван Никифорович, — надеюсь, ты не забыла, что у тебя сегодня встреча с новой бригадой?

— Нет, — коротко ответила я. — Ты решил создать структуру, которая будет заниматься поиском пропавших людей, и доверить мне ее руководство.

— Отлично, — воскликнул шеф, — вели всем сотрудникам в десять быть в комнате совещаний. А в одиннадцать придет Галина Сергеевна Моисеенко. У нее девочка пропала.

Я вздохнула, поиск исчезнувших детей самое тяжелое занятие, и мрачно спросила:

— Когда ребенок домой не вернулся?

— В августе, — ответил босс.

Я подумала, что ослышалась.

— Прости, когда?

- В августе, — повторил Иван.
- На дворе июнь, первый месяц лета, — напомнила я, — последний еще не наступил.
- Она пропала в прошлом году, — уточнил шеф.
- И мать только сейчас к нам обратилась? — поразила я. — Через год шанс найти малышку равен нулю.
- Ей почти тридцать лет, — уточнил Иван Никифорович.
- Ты сказал «девочка», поэтому я подумала, что она крошка, — хмыкнула я.
- Шеф чем-то заскрипел.
- Просто повторил слова Моисеенко.
- Ясно, — пробормотала я. — Что за странный звук в трубке?
- Ящик в столе застрял, — пропыхтел Иван, — дергаю его, дергаю, а он ни туда ни сюда. Вроде у тебя хорошая команда подобралась.
- Надеюсь, — вздохнула я, — трудно было людей отобрать.
- Поужинаем сегодня? — предложил босс. — Рина пирог с капустой печь собралась.
- С моим весом лучше навсегда забыть о выпечке, — вздохнула я, — но при мысли о кулебяке, которую печет твоя мама, о диете забываешь сразу.

ГЛАВА 2

Когда я вошла в комнату для совещаний, несколько человек, сидевших вокруг круглого стола, встали.

Я смутилась.

— Сядьте, пожалуйста. Давайте сразу договоримся, что мы просто коллеги. Я не генерал, вы не солдаты. Да, я буду раздавать указания, но если вы со мной

не согласны, имеете собственное мнение, то прошу его открыто высказывать и отстаивать. Меня зовут Татьяна Сергеева, отчество я не люблю, обращайтесь ко мне просто по имени. Я вас знаю, читала личные дела, проводила собеседования. Но друг с другом вы не встречались. Я могу рассказать о каждом, но, думаю, будет лучше, если вы сами представитесь. Кто первый?

Возникло молчание, потом худощавая брюнетка подняла руку.

— Можно я? Любовь Павловна, патологоанатом, мне пятьдесят один год.

— Да ну? — удивилась девушка с косичками, уложенными баранками над ушами. — Больше тридцати вам никогда не дать.

— Спасибо, — улыбнулась эксперт, — стараюсь держать спину прямо. Родилась в Москве, училась и живу в столице. Обладаю не очень приятным кое для кого качеством: если речь идет о работе, не стану кривить душой и подтасовывать улики. Начинала я как ассистентка профессора Гофмана, потом пустилась в одиночное плавание. С Геннадием Львовичем связи не теряю, моему учителю почти девяносто лет, но голова у него светлая, физическое состояние бодрое. В сложных случаях Геннадий Львович всегда готов меня проконсультировать. Я несколько раз меняла службу, с последней меня, как обычно, уволили по собственному желанию. На самом деле я отказалась указать в отчете время смерти жертвы, которое хотел видеть мой начальник, и меня начали тихо выживать. Мы с шефом конкретно не сошлись характерами. Я не агрессивна, не скандальна, не делаю замечаний коллегам по бытовым вопросам, не сплетничаю, мне все равно, кто с кем против кого дружит. Но в работе я строга, хотя готова выслушать любое мнение, если

оно аргументировано, просто бла-бла мне неинтересно. У меня смешная фамилия Буль, она досталась мне от мужа-профессора. Евгений Григорьевич кардиолог, доктор наук, владелец небольшого медцентра. В институте меня звали Буля, имя прижилось, я на него откликаюсь. Если честно, оно мне нравится больше, чем Люба. Отчество я, как и Татьяна, не люблю. Собираю атласы, у меня внушительная коллекция. Очень хотела попасть в особую бригаду. Все.

— Теперь я, — запрыгала на стуле девочка с косичками. — Имя у меня Эдита. Бабушка настояла, чтобы внучку так назвали в честь героини обожаемой ею книги «Замок во тьме». Бабуля очень романтична, а я мучаюсь. От Эдиты меня просто передергивает. Родители обращаются ко мне Дита, остальные Эдя. Фамилия мне досталась самая подходящая для такого имени: Булочкина. Мне двадцать два года, я специалист по компьютерным технологиям, у меня два высших образования.

— И когда вы только все это успели? — спросил плотный парень, сидевший напротив меня.

Эдита опустила глаза.

— Сама не знаю. Закончила школу в тринадцать лет, поступила в МГУ, в пятнадцать получила диплом, чувствовала себя недоучкой. Нашелся спонсор, который отправил меня в Америку, в девятнадцать я завершила образование в США, вернулась в Москву. Работала в крупной корпорации, чуть со скуки не сохла. Очень рада оказаться у вас. Не замужем и не собираюсь. В свободное время занимаюсь в театральной студии, увлекаюсь народными танцами. Ничего не собираю. Люблю чай, умею его правильно заваривать. Все.

— От родителей вам досталась светлая голова, — заметила Буль.

Дита улыбнулась.

— Наверное.

Я, зная, что Эдита воспитывалась в детском доме и никогда не встречалась ни с родным отцом, ни с матерью, спросила:

— Кто следующий?

— Я, — хором сказали крепкий парень и симпатичная блондинка, они переглянулись и рассмеялись.

— Девушек пропускают вперед, — сказала Буль.

— Очень мило, — обрадовалась белокурая красавица, — Анна Попова. До отчества я не доросла, но для информации сообщаю: Ивановна. Ничего интересного во мне нет. Окончила юрфак института имени Соколова. Это не московский вуз. В столицу переехала восемь лет назад, когда вышла замуж за Юрия Хватова, сына высокопоставленного чиновника МВД. Свекор меня пристроил на работу в убойный отдел. Там служили восемь мужчин, они сначала надо мной подсмеивались, потом принялись учить уму-разуму. Если у кого-то есть старший брат, то этот человек поймет: у меня на службе оказалось восемь старшеньких. С мужем я в разводе. Новым женихом не обзавелась. Были попытки устроить личную жизнь. Но! Если мой парень нравился одному старшенькому, то его на дух не переносил другой. Один раз все восемь были довольны, но тогда на дыбы встали бывшие свекор и свекровь, с которыми я вместе живу, они мне заменили родителей. Я из семьи потомственных алкоголиков, папа и мама упились до смерти, когда мне исполнилось семнадцать. Хорошо, не раньше, иначе бы попала в приют. Ничего не собираю. Очень люблю соленые огурцы. Если хотите сделать мне подарок, не покупайте шоколадные конфеты. Несите огурчики. И какао! Все.

Крепкий парень развел руками.